

ЛЕКЦИИ: 1) Ильхама МАМЕД-ЗАДЕ

«ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФИИ»

2) Рзаева Роида Октай кызы

«КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Ильхам МАМЕД-ЗАДЕ

доктор философских наук,

директор

*Института Философии, социологии и права
Национальной Академии Наук Азербайджана,*

АЗЕРБАЙДЖАН

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФИИ

Вопрос об актуальности философии, на наш взгляд, сегодня в эпоху глобализации, господства информационных технологий представляет особый интерес. Ответы на него могут быть проинтерпретируемы в широком диапазоне оттого, что актуальна и даже может спасти мир и человека до того, что она устарела. На наш взгляд, ее актуальность в том, как она понимается, как объясняется востребованность в ней. Мы попытаемся поразмышлять над теми ответами или интерпретациями, которые имеются у нас в Азербайджане.

Философия для философов актуальна, в первую очередь, тем, что она воспринимается как наука, имеющая свою большую историю, и все еще многие вспоминают, что от нее отпочковались другие науки. В ученом сообществе, как свидетельствуют наши наблюдения, также сложилось устойчивое мнение о необходимости философии. Рефреном здесь звучит, что коль была «царицей наук», то должна ей оставаться, коль отделились от нее науки, то в ней остается востребованность, как в философии науки. Игнорируется при этом все, что связано с тем, какова она и какой она должна быть.

Вопрос о соотношении философии с науками один из актуальных, его постановка свидетельствует об актуальности философии у ученого сообщества, а анализ взаимоотношения философии с науками дает простор размышлениям как ученым из других наук, так и философам. Но философия – это еще и общественная дисциплина, некоторая ее часть имеет гуманитарный характер, включает в себя философские дисциплины типа истории философии, социальной философии и т.д. Временами это приводит к тому, что философию воспринимают, как, состоящую из ряда дисциплин, теряя при этом специфику самого философского знания, значимость связей внутри философских дисциплин. Сейчас сложилась как раз такая ситуация. Поэтому важно разобраться с тем, что философия актуальна как общественная наука и осмыслить ее внутрифилософские связи. Для развития азербайджанской философии даже более важным

сегодня видится вопрос о соотношении философии с философскими дисциплинами, общественными и гуманитарными науками. Как нам представляется осмысление этих вопросов, имеет ценность и для самой философии, и для общества. Азербайджан находится в ситуации трансформации, модернизации, становления гражданского общества, то есть выстраивания нового порядка. Происходит процесс усложнения реальности, а это всегда приводит к тому, что сознание, творчество, типы философствования, различные дифференциации и связи в морали, в политике, в знании становятся интересными не только для специалистов, но и для управленцев, граждан с активной позицией и т.д.

Надо сказать, что в обществе немало споров, имеющих философскую направленность, но в основном все согласны, к примеру, с тем, что история философии нужна для культуры, для развития самосознания нации, то есть актуальна. (См.: Сборник трудов Института философии, социологии и права НАНА «Гейдар Гусейнов – 100», посвященный юбилею выдающегося азербайджанского философа. Баку «Текнур», 2009; З. Кулизаде Концептуальные проблемы исследования социокультурного развития (конец XX – начало XXI вв.) Баку, «Текнур», 2009 в 2-х т.) Но философия не только история философии, и более того без овладения определенным пониманием современности не углубить своего понимания прошлого. Р.Рорти, кажется, считал, что философы обратились к образам будущего лишь после того, как оставили надежду познать вечность. Будущее и прошлое есть лишь результирующая понимания настоящего. Овладение философией настоящего придает новое качество актуальности и истории философии. Надо признать, хотя на словах мы отказались от марксизма, но прошлое понимается все еще линейно. Для полноты представлений о прошлом нужны альтернативные подходы, в том числе для нас и пересмотр текстов Маркса, которые позволят раскрыть более полно значение контекста культурного и исторического, представить концепты смены эпох, взаимодействия знания и власти и т.д. О значении прошлого для настоящего в философии написано много интересного, но нам следует понять и значение настоящего для понимания прошлого. Хорошо бы усвоить, что привносит, к примеру, западная философия XX века, и в частности, М. Фуко в понимание роли власти в истории, дифференциации философии и истории, в разрушение привычных для нас схем и т.д. (М. Фуко Нужно защищать общество, СПб «Наука» 2005, его же Археология знания. – СПб.: Гуманитарная Академия – Университетская книга, 2004). К сожалению, некоторые у нас уверены, что, коль прошлое культуры и философии Азербайджана связано с мусульманской религией и философией, то знанием западной философии или российским «наследием» можно пренебречь. Несомненно, в этой уверенности свою роль играют негативное восприятие глобализации, противоречивых тенденций современности, но, вряд ли, верно из-за этого не видеть, что мы, несомненно, принадлежим культуре лимитрофа, фронта, пограничности. К тому же философ, на наш взгляд, не должен пренебрегать универсальным характером философии, тем, что западная философия XX века в лучших своих образцах осмыслила вопросы, к которым мы еще не подступались.

Без понимания современности, критического отношения к тому, как добывается знание, не будет развивающейся философии, истории философии, в том смысле, что она

превратится в набор догм. Подчеркнем, что современной и актуальной философия становится при проверке своих утверждений, при понимании, что интерпретация и переинтерпретация текстов прошлого меняет наше понимание и настоящего, и прошлого. Так, к примеру, для нашего общественного сознания важны идеалы, но ведь сегодня становится понятным, что они изменчивы, временны. Кстати, для нас это весьма непростой, даже болезненный вопрос. Когда-то господствовала этика и религиозная мораль, поэтому философы размышляли о вечной справедливости Космоса и Абсолюта, затем господствовали физика, биология, экономика, а потому доминировать стала «позитивная философия». А. Тоффлер считает, что ныне мы входим в эпоху, когда знание будет доминировать над силой, моралью и богатством (экономикой). Важно то, что не каждое знание способно зафиксировать и объяснить изменчивость иерархии. Таким образом, формируется нужда в особом знании, способном быть критическим к себе самому, в выстраивании особых отношений между знанием и наукой (науками), знанием и властью. Как нам представляется речь идет и о философском знании того, чего стоят отдельные знания, достижения.

Понятно, что доминирование знания не означает еще актуальности философии. На знание могут претендовать и другие науки. Но философия тесно связана с сознанием, с неким метафизическим может быть пониманием знания как связи и отношений. Другое дело, что такая постановка обуславливает и не отменяет актуальности также психологии, биологии, а философия без умения оперировать знанием из этих сфер не сможет адекватно понять сознание и знание, не снимает значимости естественных наук, не отменяет, а подчеркивает их различия.

Наша институциональная философия становилась в XX веке, и потому связана с советским марксизмом. Теперь, однако, когда мы имеем возможность понять свою ограниченность, имеется шанс переосмыслить значимость философии для общественных наук, всего общества. В XIX веке, когда зародился марксизм, трудно было обратить внимание на определяющую роль каких-либо иных общественных факторов, кроме техники, экономики, производственных отношений и несправедливого распределения. К сожалению, мы все еще недооцениваем значимость духовности личности, философии и идеологии в истории, единство знания и власти и т.д.

Дух, мораль и сознание переплавляются в конкретные достижения. Но это не повод, чтобы игнорировать их роль. Таким образом, история философии, как и философия, должны реконструировать то, о чем люди думали, к чему стремились, и как их думы привели к созданию материального. Мы можем прочесть Платона, Аристотеля, Низами, но следует понять и тех, кто интерпретировал их. Это дает толчок пониманию движения идей. Как они были созданы, как развивались, взаимодействовали с реальностью и действительностью, какое они оказывали воздействие на изменение реальности. Тут надо думать, предполагать, применять различные подходы, проверять их и, конечно, сравнивать, как понимают их другие ученые, философы. Возьмем, к примеру, такую интересную проблему для азербайджанской философии как Восток-Запад. Этот интерес связан с особенностями глобализации, которая связывает мир воедино. Но у нас утвердилось мнение, что «крестовые походы» Средневековья свидетельствуют лишь о

доминировании Запада, о его воинственности и т.д. Не замечается, что Средневековье это время достаточно активного взаимодействия мусульманского Востока и Запада, когда наряду с «религиозными войнами» шел обмен идеями. Полемика между Аль-Газали и Ибн Рушдом удивительно напоминает споры номиналистов и реалистов, а восточные перипатетики, древние греки и западная средневековая философия (тот же Фома Аквинский) повязаны между собой также весьма тесно. Получается, что те философы, которые современную глобализацию видят исключительно как конфликты, навязывание и доминирование проходят мимо того, что наряду с конфликтами всегда имелось и имеется взаимодействие, приращение знания и диалог.

Теперь хотелось бы заметить, что мы уверены в том, что наряду с историей философией значимой является социальная философия. Некоторые уверены в том, что вся философия сводится к социальной, что все остальные направления, ветви философии должны быть ей подчинены. В определенной мере этот подход сохраняет советский марксистский взгляд на то, что исторический материализм важнее, грубо говоря, этики, эстетики, философской антропологии и т.д. Без марксизма, как будто бы, тезис превосходства социальной философии теряет свои основания, так как марксизм объяснял его доминирование, а нынешний приоритет социальной философии не объясним. И более того, без конкретных экономических, социологических и политических факторов, социальная философия, казалось бы, вообще теряет свои основания. Вместе с тем отказ от марксизма, его методологии не повод вообще отказаться от попыток понять философски социальность. К сожалению, не все, что сегодня подается у нас за социальную философию, является современным.

Сегодня, кроме социальной философии, общество изучает и социология, и политические науки и т.д. И это факт позитивный, они дают необходимый конкретный материал об обществе, который можно анализировать. Они дают информацию об опыте, но, чтобы анализировать данные опыта, нужна философия. Надо понимать, что данные об опыте дают неполное знание, а их качественно переосмыслить, сравнить различные данные и, перефразировав Фуко, «слова и вещи», может только философия. Другое дело, что не каждый философ способен к такой работе. Кроме того, отметим и то, что необходимо сравнивать количественные данные, использовать данные из различных наук, а эту работу, то есть выступить языком междисциплинарных исследований может только философия. Она как язык может и должна быть понятой и политическими исследователями, и культурологами, и т.д. (Этот вопрос более подробно анализировался в нашей книге «Об актуальности философии в условиях глобализации и модернизации», Баку, «Текнур», 2009)

Коль социальная философия и шире философия может выступать связующим звеном между общественными науками, она должна способствовать «проверяемости» всего того, что связано с модернизацией, национальной идеологией, воспитанием патриотизма и т.д. Конечно, в нынешних условиях и речи не может быть о навязывании этой идеологии, но размышления по поводу этих вопросов вовлекают в обсуждение по поводу будущего страны интеллигенцию, продвинутые слои страны, обеспечивая общественное участие граждан определенным модернизационным сознанием и т.д. Признаем, что у нас имеется

немало сторонников «деидеологизации», которые считают, что идеологические проблемы общества не представляют интереса для философии. Однако, следует понять, что, если социальная философия безразлична к идеологическим проблемам общества, то она перестает и сама развиваться, и усиливается процесс архаизации сознания общества.

Понятно также и то, что любая идеология в какой-то момент исчерпывает себя. В любом случае, исчерпанность одной идеологии не означает, что культура может развиваться без нее. Многие уверены в том, что создание идеологий зависит от сигнала со стороны властей. В XX веке в эти проблемы, на наш взгляд, глубже всего проник М. Фуко, в частности, анализируя проблемы соотношения дискурса и власти, типы возможных трансформаций дискурсивных практик. Однако дело не только в его аналитике, а в необходимости анализировать проблемы и противоречия различных идентичностей в современных условиях. Кстати, они обсуждаются сегодня и в Азербайджане, и европейских странах, в Турции и в России, и даже в США. Так, последний труд С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (М.: «АСТ», 2008) был посвящен осмыслению этих вопросов. У нас среди значимого в этой сфере выделяются труды академика Р. Мехтиева, посвященные проблемам национальной идеологии, философии, общественных наук в условиях глобализации и вызвавшие бурную дискуссию в обществе. (См., к примеру, Р.Мехтиев «Современный Азербайджан как воплощение национальной идеи»/ «Бакинский рабочий», 21 мая 2011 г.)

Если посмотреть на труды самых значимых для последнего времени западных философов, то мы увидим, что большинство из них также пытается выявить сложности современного времени, сложности современной идеологической жизни. К примеру, известный труд Ф. Фукуямы «Конец истории?» был посвящен особенностям становления либеральной идеологии, объяснению принципов либеральной демократии, причинам ее доминирования в современном мире, а вот его другие труды «Америка на распутье», «Великий разрыв» были связаны с выявлением узких мест либеральной идеологии. Мы отмечаем это различие в подходах Фукуямы к вопросам философии идеологии потому, что глобализация, усложнение и ускорение процессов общественного, политического, культурного и экономического развития приводят к пониманию значимости размышлений по поводу взаимоотношений идеологии и общественных реалий. (Ф.Фукуяма Конец истории и последний человек. М. «АСТ Полиграфиздат», 2010, его же «Америка на распутье Демократия, власть и неоконсервативное наследие» М. «АСТ Хранитель», 2007).

Если рассуждать об идеологии в духе догматического марксизма, то такой подход сегодня не будет принят. Он устарел, так как не объясняет современных общественных перипетий в различных странах и культурах, столкновений внутри культуры различных идентичностей, стратификационных особенностей и т.д. Та идеология смотрела на мир, общество сквозь призму исключительно доминирования одних над другими. Но сегодняшний мир состоит из различных миров, каждый из которых сам представляет собой целый мир, а потому обречен, не отменяя доминирования, быть в поисках диалога и компромисса. Заметна поэтому тенденция сокращения роли насилия в обществе, возрастает, напротив, значение ценностей и культуры, нацеленных на толерантность,

уважительность, доверительность и т.д. Недаром стало использоваться понятие «мягкая власть». Некоторыми нашими философами этот тезис, или любой разговор о диалоге зачастую воспринимается как «двойная мораль» Запада, который сам использует в политике насилие и обман, а другим, дескать, отказывает в праве на эти средства. На деле все не столь однозначно. «Мягкая власть или сила» напротив скорее обеспечивает доминирование сегодня, чем грубая сила. Потребность в диалоге не отменяет неравенства или конкуренции. Но найти меру между этими противоречивыми понятиями способно сознание, согласившееся с относительностью идеалов, истины. Трудно на индивидуальном уровне стало оценивать справедливость, веру, честность, предприимчивость, богатство и бедность и т.д. Трудно обойтись и без философии, но она должна отказаться от гордыни, автономии, чистоты точных линий, относя одни вопросы к философии, а другие к политологии, культурологии и т.д. Наверное, в таком ключе следует понять мысли Дьюи, Рорти о допущении некоторой депрофессионализации философии, когда безразлично философы мы или нет, главное не отстраниться от понимания времени и смысла изменений.

В период противостояния «двух систем» было все относительно просто. Мы правы, а они нет. Теперь же, когда индивидуальность стала неотъемлемым феноменом социальной, культурной и экономической жизни общества, ее реакции, действия и ценности приносят в общественную жизнь необходимость понимания других. Социальные отношения создаются различными людьми, они это понимают или нет, а значит, возрастает неопределенность, риск, но и создаются новые возможности. Кстати, этот процесс идет в той или иной степени во всех странах, но одни используют возможности, с помощью ориентации на науку, идеологию и образование сокращают риски, а некоторые пытаются остановить индивидуализацию процесса общественной жизни. Разнообразие индивидуальностей и обуславливает повышенные требования, как к идеологии, так и к современной философии. Они должны быть обращены к различным типам индивидуальности, предлагая им различные модели поведения. Поэтому, если говорить о социальной философии, всем блоке социальных наук, то необходимы новые методологии и методы связи между властью и обществом, философией и идеологией, чтобы индивид и различные сообщества, в которые он входит, основывались на знании и доверии.

В этом контексте следует признать, что западное гражданское общество, которое с помощью зачастую «свободных» профессоров философии, политологии, социологии, продуцирует различные модели идеологии, освобождает государство от чрезмерной идеологической нагрузки и не угрожает его идеологическим основам. У нас, где гражданское общество только формируется, эта задача выпала на государство и институциональную философию. И, если государство, выбрав курс модернизации, оказалось готовым к идеологической и культурной функции, то для философии такой поворот и в теоретическом и в духовном смысле оказался все-таки несколько неожиданным. Приходится быть готовыми к признанию того, что государство должно заниматься идеологическими и культурными проблемами, а институциональная философия обязана участвовать в этом, по существу, просветительском деле. Н. Смелзер пишет, что национальное государство воспринимается ныне как единственный носитель

суверенитета и управления, как некая территория, как локус экономической самодостаточности, как монопольный носитель легитимного применения силы и насилия, как центр общей культуры (включающий язык), как объект лояльности и групповой идентичности. (Smelser N. The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences. 1997. Presidential address|| American Sociological Review V. 63, N1 (Feb. 1998). Иными словами государство и на Западе, и на постсоветском пространстве вынужденно обращать внимание на вопросы культуры (не правда ли, речь идет об идеологической функции культуры). Там, правда, имеется в этом деле разделение функций между государством и обществом.

Трудность участия в этом деле таится в том, что для нашей сегодняшней философии проблема воздействия на сознание индивида не решена. Сегодня индивид ничего не принимает на веру. А философы за редким исключением этот «скепсис» воспринимают как эгоизм и оценивают его крайне отрицательно, а к субъективизму относятся излишне высокомерно, наверное, поэтому не определили своего отношения к взаимоотношениям объекта и субъекта, частного, личного и общественного и т.д. Однако, на наш взгляд, подходы современной западной философии к индивиду, человеку, его свободам, трактуемые нередко нами, как отказ от наследия классической философии, таковым в лучших своих образцах не является. Установка наиболее глубоких философов XX века на относительность истины, плюралистичность взаимоисключающих мнений приводит к отрицанию лишь некоторых базовых категорий классической философии (абсолютный субъект), но способствуют развитию междисциплинарных исследований, сравнительных исследований лингвистического пространства, текстов и т.д.

Мы, пытаясь все еще искать абсолютную целостность между человеком и сообществом, не замечаем, что сегодняшний человек уже живет в условиях свободы выбора, он автономен во многих вопросах, но не против единства в различиях. Но у каждой культуры имеются страхи перед угрозами. Азербайджанские философы нередко пишут о вызовах со стороны глобализации нашей культуре, независимости и целостности государства, об опасности экологических катастроф, империализма и т.д. (Об этом Р.Мехтиев Азербайджан: вызовы глобализации Баку, «XXI YNE», 2004, Взаимодействие культур в условиях глобализации М. «КАНОН», 2010). Но все эти вызовы представляют угрозу только в том случае, если общество не может найти меру между свободой и управляемостью, рациональным использованием свободы. Естественно, эти вызовы в чем-то различны и, одновременно, схожи для отдельных сообществ. На наш взгляд, эти вопросы активно обсуждаются всеми философами. Поэтому и используется так много понятий для обозначения этой ситуации. К примеру, «рефлексивная модернизация», «делиберативная демократия», «эра нового индивидуализма» и т.д. Э. Гидденс, например, считает, что модернизация становится «рефлексивной», добавим, что означает, что она должна в каждой культуре стремиться выйти за рамки «вестернизации». Процессы модернизации и в Азербайджане подтверждают, что взаимоотношения между традицией и креативностью, элитами и остальными группами общества, индивидом и традицией на каком-то этапе становятся национальными, специфичными, а потому могут стать неуправляемыми.

Современность и сама, прежде всего, рефлексивна. Общество производится и воспроизводится активными участниками социального события, притом, что индивиды выступают как своего рода социальные теоретики, то есть постоянно обращаются к своим знаниям и подвергают оценке и переоценке правила социального поведения. Знаний же в этом случае нередко не хватает. Социальная философия, сталкиваясь с активностью и индивидуальным многообразием, проходит по существу проверку на то, насколько она может понимать соответствие идеологических построений со свободой и правом выбора человека. Для западных школ, направлений и подходов в этом нет ничего удивительного. Так, в XX веке Ч. Кули в своей книге «Человеческая природа и социальный порядок» общество, группы и индивида рассматривал как единый живой организм. Он считал, что «социальное» и «индивидуальное» - две стороны «ментальной целостности», человеческой жизни.

Однако для некоторых необходимость понять индивидуальность все еще оказывается свидетельством конца социальности, социальной философии и т.д. На наш взгляд, изменившаяся сущность, дополнительный довод для поисков в социальной философии новых междисциплинарных связей как с социологией, психологией, так и с этикой, эстетикой, философской антропологией и т.д. В связи с вышесказанным, подчеркнем, что усложненная реальность требует от социальной философии проникновения в сферу индивидуального, кроме того углубления понимания особенностей современной эпохи глобализации и модернизации, переосмысления таких понятий как национальная и индивидуальная идентичность и т.д. И в этом своем качестве она остается актуальной и для других философских, общественных и гуманитарных наук, и для самого общества. Конечно, размышления о социальной философии приводят нас к поиску новых ролей индивидуального, к пониманию того, что помочь в этом деле могут также этика, эстетика, аксиология и только-только начавшая развиваться в Азербайджане философская антропология и гендер.
